

Нина Бялосинская

(1923—2004)

Было молодо — не зелено, а красно

* * *

Злая, неотзывчивая ночь.
Тихо, тихо, прикорнув в сторонке,
Плачет сандружинница Алёнка.
Ей никак, ничем нельзя помочь...

Говорили:

— Девка — сила!
У сожжённого села
Пуля-дура
Не спросила,
Скольких ты повиносила...
Одного —
не донесла.

Сколько вы всего дружили?
Сколько лет на свете жили
Перед этою бедой?
Словно сон прошёл.
Проснулась —

Счастье
горем обернулось
И осталось
У дороги
Под железную звездой.

...Брось, Алёнка.
Завтра мы в пути.
Легче жить, за ротой поспевая.
Много легче — всё идти, идти,
Уставая, даже отставая...

Но труднее ночью —
В тишине.
До утра наплачешься тайком.
Ты-то всё о нашем старшине...
Ну, а я —
о ком?..

1945—1956

* * *

Булыжник вспоминает кряжи.
Тоскует по листве доска.
И даже в сероватой луже
Есть океанская тоска.

Она асфальтовую кожу
Опять морщинит и знобит.
Она по ней проходит дрожью,
Чтобы о бризах не забыть.

Чтобы и мы не забывали,
Забравшись под надёжный кров,
Как кровь, бывает, закипает
И как, бывает, стынет кровь.

1960

Из книги «Старинные песни» (1945—1974)

* * *

Уговаривал милёнок:
— Ничего, — говорит, — не жалеи!
Я сожгла бы корабли,
Да только нету кораблей.
Только лодочки чинёны
Щеголяют каблуком.
Чёрт с тобой! Сожгу — попробую —
Походим босиком.

Подошёл и посмотрел
На меня босую.
— До чего, — говорит, — святая ты!
Перед тобой пасую.
Я, — говорит, — имел в виду
В переносном смысле...
Потоптался с полчаса
И куда-то смылся.

Всё забыла —
Не могу
Забыть его походочки.
Ах, кабы были корабли,
Сберегла бы лодочки.

* * *

Шёл и шёл
Натруженной дорогою,
Прогибая плечи грузом дел.
И свою, весёлую и строгую,
Грустную,
Смешную,
Проглядел.

А она —
Осталась у обочины.
Не приладила к нему свой шаг.
Чем-то занята и озабочена,
Так и не ступила на большак.

И живут,
Живут они, не старые,
Век живут — себя не узнают.

Вот и всё.
Обычная история.

Дождь идёт.
И журавли — на юг.

* * *

Я живу вполсвиста соловьиного.
 Ветки в щепки крошит по лесам.
 Глыбы с гор срываются лавинами.
 Ты на свист явился
 Или сам?

Видишь —
 Никакая не красавица,
 А вздохнула —
 Вышел бурелом.

Понимаешь, что с тобой стрясается,
 Что тебя касается крылом?

Кажется, с тобою не соскучишься.
 Ты, я вижу, тоже голосист...

Представляешь, дурень, что получится,
 Если засвищу я в полный свист?

* * *

Было молодо — не зелено, а красно.
 Хорошо ли, что состарились поврозь?
 Кто рассудит, что прекрасно, что напрасно?
 Как разъялось, разломалось, разбрелось?..
 Было — убыло. По целому рубила.
 Бедовала вполбеда. И поделом.
 Девка била, баба била — не разбила.
 А старуха разметала подолом.

Стихи второго дня

— В море приходит свобода, но страх
 берега остается.

Из разговора о яхте

Страх берега остался у меня.
 Привычное предвосхищенье риска.
 Таинственная детская записка
 В жестяночке запаянного дня.
 Ноздрями деревянного коня
 Звериный ужас носовой фигурки
 Несёт кораблик, струганный из чурки,
 Стремнинное дрожание храня.
 Озноба ненадёжная броня —
 Не приклониться и не отстраниться
 И больно, необузданно прибиться. —
 Страх берега остался у меня.

1969

* * *

Н.П.

Как не сразу, как медленно входишь в покой —
Волочёшь суету, как вину.
Под ладонью сосны,
Над широкой рекой
Нарушаешь собой тишину.

Извини меня, роща,
Прости меня, бор,
Деревами меня огради,
Отвори мне высокий осиновый створ,
Через просеку переведи.

Это белое море — берёзовый лес,
Утоли меня и удостой
Улыбнувшимся облаком,
Плотью небес,
Преподобной своей простотой.

1972, Таруса

* * *

Б.Б.

По бережной белой неделе,
По тихой студёной поре
Зима опустилась на ели,
Красивая, как в букваре.
Над утром клоками крошится.
На ветках пушится пыльца.
Хлопочет в кормушке синица,
И заячий след у крыльца.
И ты меня к доброму дому
По тропке торопко ведешь.
Потрепlesh собаку знакомо
И валенки мне обметёшь.
И жалостен мир, а не жалок,
Пока отдышалась душа,
Покуда на мне полшалок,
Покуда живу не спеша.

1973, Малеевка

* * *

«Поэзия, мой друг, должна быть глуповата».
Но всё-таки не так, как стёганая вата.
А так, как бубенец зелёного гороха,
И чижик,
И гудок в руках у скомороха.
Как полевой цветок, отправленный в конверте...
Как радость бытия на полдороге к смерти.

1980

* * *

День солнечный. Второе января.
Тишайший день, и праздничный, и праздный.
Который год творенья отворя,
Не своевольный, а своеобразный.
Всё наново, не начато, в наём
Не отдано, не горбится устало.
И красота, в младенческом своём
Неведенье, себя не осознала.
Ни прошлого, ни будущего нет.
Мир не судим и никого не судит.
Не на белила, а на белый снег,
Свободно лёг нерукотворный сурик.
И ничего не вписано в строку.
Свистит синица, и снегирь сияет.
Носатая ворона на снегу
Боярыню Морозову не знает.

1993

* * *

Эта чистая белая тьма снегопада в начале поста.
Возвращенье к величию хаоса из мельтешенья хаоса.
Словно снова безвидная бездна ещё безоглядно пуста,
В ожидании тварного Слова нема, холодна и белёса.
Эта плоть снегопада нагая. Глухая стена.
Невесомая тяжесть круженья, крошенья, крушенья.
Прободение тверди. Заблудшей души сокрушенья.
Поздний вздох снегопада. Прощанье, прощение и возвращенье
В синий день из скоромного, пёстроного и чёрно-белого сна.

1994, *Отрадное*